

Изложив основы теории логистических циклов, Камерон использует эту теорию как инструмент для анализа всемирной экономической истории. Особенно подробно при этом рассматривается так называемая «вторая европейская логистика» – логистический цикл, продолжавшийся с середины XV до середины XVII в. Поскольку книга Камерона представляет собой не научную монографию, а курс лекций, то приводимые в ней сведения по большей части хорошо известны, во всяком случае, на Западе. Российский читатель может найти значительную часть этой информации в капитальном труде Броделя “Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв.” (5).

Что касается других периодов и регионов, в особенности истории Востока, то изложение Камерона отличается краткостью, его выводы часто сопровождаются оговорками и не претендуют на доказательность. Тем не менее, книгу Камерона можно рекомендовать студентам как первый учебник, содержащий изложение основных принципов новой экономической истории.

-
1. Cameron R. A concise economic history of the world. From paleolithic times to the present. New York. Oxford, 1989.
 2. Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М., 2001.
 3. Cameron R. Op.cit. P. 16-17.
 4. Ibid. P. 18.
 5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках. Т. 1-3. М., 1986, 1992.

Побережников И.В.
(Екатеринбург)

Модернизация и цивилизация: концепция культурно-цивилизационного изменения Петер Штомпки

Фундаментальные исторические трансформации, составляющие наиболее важные вехи в истории человечества, такие как антропогенез, «неолитическая революция», становление ранних цивилизаций, переход от традиционного к современному обществу, а от последнего – к постиндустриальному, и др., всегда привлекали

внимание исследователей. Подобные трансформации нередко именуются революциями, настолько всеобъемлющ их характер и настолько значимы их последствия для развития человечества.

Кардинальная трансформация, связанная с движением от «традиционности» к «современности», получила в науке наименование модернизации. Она трактуется исследователями как протяженный, охватывающий несколько столетий всеобъемлющий исторический процесс инновационных мероприятий, в ходе которого люди совершали переход от традиционного, аграрного к современному, индустриальному обществу (1).

Специально для изучения процесса модернизации во второй половине 1950-х — 1960-х гг. был сформулирован теоретический подход — модернизационный, разработанный первоначально в рамках социологии и получивший затем широкое распространение в исторических исследованиях. Необходимо при этом обратить внимание на творческий характер разработок, осуществленных в русле модернизационного направления. Данная теория (точнее — теории) не оставалась неизменной со времени ее первоначального оформления; дальнейшее ее развитие было обусловлено нарастанием сложности реальных модернизационных процессов, развитием теоретического оснащения гуманитарных наук. В частности, для сторонников модернизационного подхода стала очевидной необходимость учета социокультурного контекста модернизации, получила признание идея многовариантного и циклического характера модернизации, влияния на ее результаты международного контекста. В итоге современный модифицированный модернизационный подход (получивший наименование неомодернизационного; к числу наиболее видных его представителей относят Э. Тириакаяна, В. Цапфа, К. Мюллера, У. Бека, П. Штомпку и др.) заметно дистанцировался от классической версии, превратившись из первоначально односторонней и абстрактной теоретической модели, не игравшей существенной роли в историко-эмпирических исследованиях, в многомерную и эластичную по отношению к эмпирической реальности научно-исследовательскую программу (2).

Существенное значение для пересмотра отдельных положений классической модернизационной парадигмы и формирования обновленного подхода имели события последнего десятилетия XX в. в Центрально-восточной Европе (ЦВЕ), а именно развал социалистической системы и процессы т.н. «посткоммунистической транзиции», которые логично получили статус модернизационных.

Одним из современных ученых, попытавшихся адаптировать традиционные эволюционистские схемы истории для анализа «актуального прошлого», стал известный польский социальный мыслитель, Президент Международной социологической ассоциации, профессор Ягеллонского университета в Кракове Петер Штомпка, предложивший в итоге культурно-цивилизационный подход для анализа пост-коммунистического транзита (3).

Толчком к формулированию концептуальной схемы послужило убеждение Штомпки в том, что посткоммунистический транзит не является абсолютно уникальным, напротив, целый ряд его аспектов, измерений, проявлений служит примером «повторов» в истории, что позволяет применить к их изучению уже существующие теоретические схемы.

По мнению Штомпки, посткоммунистический транзит ЦВЕ может быть разделен на 3 фазы: 1) «героическая и романтическая стадия» (1980-е гг.), когда росло сопротивление коммунистическому режиму, возникала демократическая оппозиция, новые формы социальной самоорганизации и происходил медленный распад экономических и политических основ реального социализма (для анализа данного периода вполне применимы, как полагает Штомпка, теории коллективного поведения и социальных движений, легитимизации и делегитимизации власти, системного равновесия и его нарушения, восстановления гражданского общества); 2) «период революционной эйфории» (около 1989 г.), для анализа которого применимы различные теории революции, относительной депривации и двойного суверенитета, харизмы и харизматического лидерства, наконец, аномии (последняя теория уместна для объяснения пост-революционного нормативного вакуума); 3) «прагматический период системных трансформаций», который начался в 1989 г. Именно последний период предъявил особые требования к теории, поскольку его динамика и результаты оказались неожиданными и труднообъяснимыми при опоре на стандартные модели: медленный ход часов реформ; множество препятствий; откаты назад; эффекты бумеранга, непреднамеренные последствия и т.д.

Поскольку очевидно, что период системных преобразований представляет собой эпохальную историческую трансформацию огромного масштаба и сложности, вроде бы логично обратиться к теориям социального изменения (автор отождествляет их с классическим эволюционизмом). Однако Штомпка подчеркивает, что

вера в подобные теории – иллюзия, поскольку не существует социального изменения как такового (опять же, имеется в виду эволюционистская трактовка изменения как абстрактной трансформации всего человеческого сообщества). Поэтому более реалистичным будет обращение к теориям, объясняющим отдельные процессы, охватывающие «избранные аспекты или измерения социальной действительности». К числу таковых Штомпка относит классические теории, фокусирующие внимание на «структурной и функциональной дифференциации социального организма» (Г. Спенсер), отчуждении, пауперизации и поляризации классов (К. Маркс), технологических инновациях (Г.Л. Морган), на утрате общности (Gemeinschaft) вследствие урбанизации, индустриализации и омассовления (Ф. Теннис), на разделении труда и росте «моральной солидарности» населения (Э. Дюркгейм), на рационализации, секуляризации и «расколдовывании» мира (М. Вебер), которые могут быть полезными при анализе перехода от «квази-модернити» реального социализма к подлинной современности. Однако Штомпка считает необходимым дополнить это «меню теоретических блюд» еще одним подходом, достойным рассмотрения, который он сам определяет как «культурно-цивилизационный».

При разработке данного подхода Штомпка опирается в первую очередь на теоретическое наследие А. де Токвиля, автора известных трудов «Демократия в Америке» и «Старый порядок и революция», и Э. Дюркгейма. Первого польский мыслитель вообще считает основоположником культурно-цивилизационного подхода, вспоминая урок, который Токвиль преподавал последователям, а именно предостережение от недооценки «мягких», неосознанных факторов, таких как привычки, обычаи, менталитет, символы, ритуалы. Опираясь на утверждение де Токвиля («Привычки людей могут рассматриваться как одна из наиболее значимых общих причин, обеспечивших поддержку демократической республики в Соединенных Штатах. Я здесь использую слово *привычки* в значении, которое древние применяли к слову *нравы*; поскольку я применяю это не только собственно к манерам – то есть к тому, что можно было бы определить как *привычки души*, – но и к различным понятиям и потоку мнений среди людей, а также к массе тех идей, которые составляют характер их мышления. Я подразумеваю под этим термином, таким образом, целое моральное и интеллектуальное состояние народа»), П. Штомпка дифференцирует социальный опыт

на три аналитических уровня, которые, по его мнению, следует рассматривать автономно: 1) что люди делают (поведение); 2) что они думают (менталитет); 3) ожидания относительно действий и мышления (культура и цивилизация).

Буквальное следование концепции Токвиля, замечает Штомпка, приводит к психологизму, т.е. к акцентуации внимания на индивидуальных установках, мотивах, побуждениях. Чтобы этого избежать, Штомпка предлагает прибегнуть к социологизму Дюркгейма. Следуя дюркгеймовскому понятию «социальные факты *sui generis*», Штомпка предлагает рассматривать культурные предписания как инструкции членам сообщества по поводу того, что должно быть сделано и во что следует верить, поскольку это благо, поскольку это делает/в это верит большинство людей или поскольку так всегда поступали и так всегда было принято. Иными словами, в данном контексте культура рассматривается как фактор, формирующий и санкционирующий власть на основе справедливости, нормы или традиции, обеспечивающий ее законность на основе этих источников.

Таким образом, культурно-цивилизационный подход можно свести к поиску основополагающих моделей мышления, разделяемых всеми членами общества, которые являются поэтому внешними и ограничивающими каждого из его индивидуальных членов. По существу, в рамках данного подхода речь идет не о том, что люди делают и думают, но, прежде всего, о том, что заставляет людей совершать поступки и думать в соответствии с их культурным контекстом.

Само понятие «культурно-цивилизационный» уже неявно делит предметную область «социальных фактов» («коллективных представлений», по выражению Дюркгейма) на культурный и цивилизационный уровни. Под «культурой» Штомпка подразумевает социально упорядоченные системы значений, символов, ритуалов, кодов, существующих на уровне социального подсознания и формирующих и регулирующих человеческое поведение и мышление (люди редко их осознают, так как считают само собой разумеющимся). Что касается цивилизационного уровня, то под ним ученый понимает разделяемый обществом универсум объектов, технологий, знаний, верований, ценностей, норм, институтов. В отличие от составляющих культурный уровень компоненты цивилизационного уровня сознательно (хотя и с различной степенью)

учитываются акторами, признаются и принимаются как инструменты для достижения целей или удовлетворения собственных потребностей. В подобном контексте культура представляет собой наиболее значимый, глубокий, невидимый слой, а цивилизация – более поверхностную, видимую, социально сформированную среду обитания человека.

Адекватность культурно-цивилизационной перспективы изучению посткоммунистических обществ Штомпка объясняет спецификой исторической ситуации, сложившейся в странах ЦВЕ после краха коммунизма. Ее, по мнению ученого, нельзя трактовать как второе рождение капиталистической экономики, как элементарную реконструкцию демократического государства или как «возвращение» в Европу, на Запад, к «норме». Скорее, это – конструкция нового социального порядка из любопытной смеси компонентов различного исторического происхождения. Ядром посткоммунистического перехода является преобразование большинства наиболее значимых, самых глубоких культурно-цивилизационных структур. Применение же культурно-цивилизационного подхода как раз и позволяет переориентировать изучение посткоммунистических обществ с привычного институционально-экономического уровня на область культуры и цивилизации, где как раз и могут быть обнаружены основные барьеры к проведению преобразований. Данный подход, очевидно, может быть использован при анализе гораздо более широкого класса исторических процессов, в основе которых лежат те или иные культурно-цивилизационные нормы.

1. См.: Опыт российских модернизаций XVIII—XX века / Под ред. В.В. Алексеева. М., 2000; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.
2. Алексеев В.В., Побережников И.В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5—6: Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений. С. 8—49; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу... .
3. Sztompka P. Cultural and Civilizational Change: The Core of Post-communist Transition // Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. Berlin; New York: De Gruyter, 1995. P. 235—247.

Прохорова Г.А.